

степени, он получил в 1927 г. приглашение в Гарвард. В 1933 г. он стал доцентом (assistant professor), а спустя ещё десять с небольшим лет – профессором. В 1948 г. в Гарварде был создан Русский исследовательский центр. В следующем году Карпович, оставаясь профессором истории, возглавил новый факультет славянских языков и литератур. Карьера Карповича, как видим, в чём-то была похожа на американскую карьеру Вернадского, а не Ростовцева или Васильева, которые ещё до отъезда за рубеж являлись признанными авторитетами в своей области.

Каковы дальнейшие перспективы в изучении этой темы? Представляется, что необходимо уточнить роль каждого учёного в развитии той или иной области исторического знания в США, что позволит ретроспективно определить место исторической науки Русского зарубежья на мировом научном рынке.

Материалы по истории оккупационного режима и коллаборационизма в период Великой Отечественной войны в американских архивах

Олег Будницкий

Вторая мировая война, наряду с прочими последствиями, привела к возникновению «второй волны» русской эмиграции. Эту волну составили советские граждане, угнанные на работу в Германию, советские военнопленные, решившие не возвращаться в СССР, а также люди, ушедшие на запад вместе с отступающей германской армией. Последняя группа состояла преимущественно из тех, кто сотрудничал в той или иной степени с оккупантами и опасался возмездия за свою деятельность. В состав «второй волны» вливались и разного рода невозвращенцы и перебежчики военного и послевоенного времени. Их численность была незначительна по сравнению с другими группами, но их отказ вернуться на родину или переход границы нередко производили наибольший эффект, вроде случая с советским инженером-снабженцем В. Кравченко, выпустившим книгу «Я выбрал свободу»¹, которая стала мировой сенсацией, или перелёта на Запад советских лётчиков².

В общей сложности, по довольно консервативным оценкам В.Н. Земскова, за рубежом осталось около полумиллиона граждан СССР³. Этих новых эмиг-

---

© 2014 г. О.В. Будницкий

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2012 г.

¹ *Kravchenko V.* I Chose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official. N.Y., 1946.

² *Pirogov P.* Why I Escaped. L., [1950].

³ *Земсков В.Н.* «Вторая эмиграция» и отношение к ней руководства СССР, 1947–1955 // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России 1941–2001 гг.: Сборник статей. М., 2007. С. 63–91. П.М. Полян оценивает численность «уклонившихся от репатриации» в 700 тыс. человек (*Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. М., 2002. С. 141, табл. 1.7.7).

рантов принято также называть перемещёнными лицами или «ди-пи» (от английского «displaced persons»). Вплоть до начала 1950-х гг. многие из них находились в лагерях «ди-пи» на территории Западной Германии и Австрии. Постепенно «ди-пи» расселялись по свету, оседая главным образом в Великобритании, Австралии, США и Канаде. Практически все эти люди имели опыт жизни в оккупации, некоторые были коллаборационистами, а именно: служили в том или ином качестве в германских вооружённых силах или патронируемых нацистами вооружённых формированиях («Русская освободительная армия» генерала А.А. Власова и др.), гражданской оккупационной администрации, печатались в оккупационных газетах и журналах. В рамках проблематики настоящей статьи эти люди представляют интерес прежде всего как носители информации о военном периоде, преимущественно о жизни в оккупации и о коллаборационизме.

Целью данной статьи, собственно, и является обзор наиболее важных, на мой взгляд, материалов эмигрантов «второй волны» о периоде Второй мировой войны, отложившихся в американских архивах. Я считаю, что изучение истории оккупационного режима и жизни советских людей в оккупации, так же как истории коллаборационизма в СССР, без привлечения текстов, написанных эмигрантами «второй волны» или же записанных с их слов, не может быть полноценным. Оговорюсь сразу, что представленный мной обзор не охватывает все американские архивы, в которых хранятся документы по рассматриваемой проблематике, так же как и все материалы, отложившиеся в тех архивохранилищах, о которых пойдёт речь. В рамках статьи я попытался выделить наиболее важные, с моей точки зрения, материалы, прояснить обстоятельства их возникновения и степень доступности.

Наличие обширного корпуса «дипийских» документов в американских архивах вызвано рядом обстоятельств. Во-первых, в США ещё с 1919 г. существовал архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Калифорния), целенаправленно собиравший материалы, относящиеся к России. Некоторые эмигранты «первой волны» предпочитали уже в 1920–1930-х гг. отдавать свои материалы в Гуверовский институт (называвшийся поначалу Гуверовской военной библиотекой), а не в Русский заграничный исторический архив в Праге, ибо, по словам бывшего российского посла в Париже, председателя Эмигрантского комитета В.А. Маклакова, «Прага находится чересчур близко от Москвы». Его предвидение оказалось точным: в 1945 г. Пражский архив был «подарен» правительством Чехословакии Советскому Союзу, и его документы, занявшие восемь товарных вагонов, вывезли в Москву. На другом побережье США, в Нью-Йорке, при Колумбийском университете в 1951 г. был основан ещё один «русский» архив, носящий с 1975 г. название Бахметевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры. Эти архивы рассматривались эмигрантами как надёжные хранилища материалов; архивы не только пассивно ожидали «сдачи» эмигрантами их бумаг, но и сами вели активную работу по их сбору.

Во-вторых, в условиях холодной войны в США резко активизировалось изучение Советского Союза, который оставался для западного мира в значительной степени «чёрным ящиком». В конце 1940-х – начале 1950-х гг. был реализован так называемый Гарвардский проект – интервьюирование и анкетирование тысяч перемещённых лиц с целью понять, что собой представляло советское общество, и как люди в СССР будут вести себя, например, в случае

войны. В числе прочего интервьюеров интересовал военный опыт эмигрантов, в частности, жизнь в оккупации. Другой, менее известный проект, реализованный исследователями Колумбийского университета в первой половине 1950-х гг. – Программа по изучению СССР. Исследователи заказывали эмигрантам материалы на различные темы в области их компетенции. Среди прочего в рамках этой программы был подготовлен ряд текстов (нечто среднее между мемуарами и трактатами) о жизни в период немецкой оккупации. Материалы этих проектов (подробнее о них речь пойдёт ниже) отложились в библиотеке Гарвардского университета (Harvard College Library) и, соответственно, в Бахметевском архиве Колумбийского университета.

Исследование Советского Союза заказали «новорождённому» Русскому центру Гарвардского университета американские военно-воздушные силы (ВВС)⁴, преследовавшие вполне прагматические цели: понять, как функционирует Советский Союз, какова его обороноспособность, чего можно ожидать в случае войны, как население будет реагировать, скажем, на бомбардировку крупных городов. Среди вопросов, которые военные хотели выяснить, был, к примеру, следующий: «Имеются ли такие цели для ВВС, которые, будучи атакованы или уничтожены, будут способствовать максимизации позитивной психологической реакции по отношению к атаковавшим силам или минимизации негативной психологической реакции?»⁵. Военные разработали два тематических блока вопросов: «О моральном духе советских людей в годы Второй мировой войны» (42 вопроса) и «О моральном духе советских людей в годы после Второй мировой войны» (28)⁶. К сожалению для историков Второй мировой, учёные предпочли использовать более тонкий инструментарий и подойти к задаче широко. В результате получился более качественный «продукт» – «портрет» советского общества 1930–1940-х гг., однако сугубо военно-исторические сюжеты если не отошли на второй план, то заняли место в ряду прочих. Если военных интересовала прежде всего обороноспособность СССР и в связи с этим настроения населения, его отношение к власти и поведение в годы недавно закончившейся войны, то исследователи, учитывая пожелания заказчика, в то же время полагали, что и на эти специфические вопросы можно получить адекватные ответы лишь в том случае, если будет воспроизведена и проанализирована более широкая картина. К тому же учёные справедливо считали, что если респондентам будет понятен прагматический характер исследования – выяснение обороноспособности СССР и, в частности, возможной эффективности бомбардировок, – это может привести к отказам эмигрантов от участия в такого рода исследованиях или к неискренним ответам.

В конечном счёте было достигнуто соглашение, что задачами проекта является изучение партийной и советской администрации, вооружённых сил, экономики, образования, здравоохранения и национальной политики; предметами исследования стали также партизанское движение в период Второй мировой войны, семейные отношения и отношение населения к немецкой оккупации.

Руководителями проекта были социолог Алекс Инкелес (Inkeles) и социальный психолог Рэймонд Бауэр (Bauer). Общее руководство осуществлял директор Русского центра Клайд Клакхон (Kluckhohn). В проекте приняли

---

⁴ *Brandenberger D.* A Background Guide to Working with the HPSSS Online (URL: http://hcl.harvard.edu/collections/hpsss/working_with_hpsss.pdf).

⁵ *Кодин Е.В.* «Гарвардский проект». М., 2003. С. 161.

⁶ Там же. С. 162–168.

участие многие известные социологи, антропологи, политологи и историки. В общей сложности проект реализовывался, не считая подготовительной стадии и последующей, уже вне формальных рамок «заказа» работы исследователей с собранными материалами, с июня 1950 г. по январь 1954 г.

Центральной частью проекта было, собственно, интервьюирование «ди-пи», проводившееся с сентября 1950 г. по май 1951 г. в Западной Германии⁷, где все ещё существовали лагеря для перемещённых лиц. Через полгода после завершения проекта, на 1 января 1952 г., там находились почти 85 тыс. бывших советских граждан⁸. Организация интервьюирования, проводившегося сотрудниками проекта и вспомогательным персоналом, вряд ли стала бы возможной в таком масштабе без содействия мюнхенского Института по изучению истории и культуры СССР. Институт был создан эмигрантами, причём все они в период Второй мировой войны в той или иной степени сотрудничали с нацистами. Большинство, включая директора института Б.А. Яковлева (Н.А. Троицкого), являлись активными участниками власовского движения. Сотрудники института провели кампанию по оповещению, «агитации» и подбору респондентов⁹.

Сотрудники проекта и вспомогательный персонал провели 694 интервью, из них 276 общих, по определению Д. Бранденбергера, «социологических» интервью («интервью серии А») и 418 более углублённых, «антропологических» («интервью серии В»); позднее в Нью-Йорке были проведены ещё 70 «контрольных» интервью, таким образом, их общее число достигло 764 (329 серии «А» и 435 серии «В»). Опрашиваемые подразделялись на три большие группы: бывшие военнопленные, бывшие оstarбайтеры (т.е. люди, насильственно доставленные на работу в Германию; в редких случаях «восточные рабочие» приезжали в Германию добровольно) и коллаборационисты, избежавшие репатриации. Кроме проведения интервью распространили около 10 тыс. подробных анкет, данные которых впоследствии обобщили, проанализировали и свели в таблицы¹⁰.

Анкеты и интервью были составлены и проведены на уровне последних достижений социальных наук того времени. Некоторые вопросы формулировались довольно замысловато, например: «Два 18-летних школьника однажды ночью возвращались домой после изрядной попойки. Один из них подговорил другого полезть на стацию Ленина и одеть (так в тексте. – *О.Б.*) свою шапку на голову Ленина. Как раз, когда этот школьник взбирается на стацию, проходит милиционер. Первый мальчик успел удрать, но второго поймали. Что с ним сделает милиционер? А. Будет ли иметь значение в данном случае, кто такой его отец (отметить одно). – Да, имеет значение, кто такой его отец; нет, не имеет значения, кто такой его отец. Б. Если да, то какое имеет значение, кто такой его отец?»¹¹.

Другие вопросы (возможно, здесь имел место компромисс с запросами ВВС) были составлены довольно прямолинейно, к примеру, такой: «Поддерживаете ли Вы мысль о сбрасывании как раз теперь атомной бомбы на Москву,

⁷ *Brandenberger D.* Op. cit.

⁸ *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 71.

⁹ О мюнхенском институте см.: *O'Connell Charles T.* The Munich Institute for the Study of the USSR: Origins and Social Composition, no. 808, The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. Pittsburgh, 1990.

¹⁰ *Brandenberger D.* Op. cit.

¹¹ *Кодин Е.В.* Указ. соч. С. 183.

с тем чтобы уничтожить большевистских вождей, даже хотя это означает убийство тысяч невинных мужчин, женщин и детей? (отметить одно). – Да, бомба должна быть сброшена на Москву теперь; бомба должна быть сброшена только как последнее средство, после того как всё иное не приведёт к результату; Нет, бомба не должна быть сброшена на Москву. А. Насколько сильно Вы убеждены в этом? (отметить одно). – Совсем не сильно; не так сильно; относительно; очень сильно»¹².

Респондентам предложили также специальный вопросник по теме: «Жизнь в условиях немецкой оккупации». В него были включены 38 вопросов, от самых общих (например: «Насколько Ваша личная жизнь во время оккупации отличалась от Вашей жизни при советской системе, скажем, Ваша жизнь в 1935 г. от жизни в 1941 г.?»), причем респонденту предлагались варианты ответов: жизнь в оккупации была значительно хуже, немного хуже, примерно такой же или, напротив, лучше или значительно лучше) до более конкретных: сколько молока должны были сдавать крестьяне государству в 1940 и 1943 гг.; был ли разделён в период оккупации колхозный скот между дворами¹³?

Интервью проводились анонимно, в том смысле, что подлинное имя респондента нигде не фигурировало и не записывалось. Любопытно, что уже в июне 1951 г. в русскоязычной нью-йоркской газете «Россия» появилось открытое письмо председателя «Российского антикоммунистического центра» С. Белосельского на имя президента Гарвардского университета Дж. Конанта. Письмо, по словам Белосельского, было вызвано главным образом тем «прискорбным фактом», что экспедиция Гарвардского университета «обратилась в Германии только к левым элементам среди русской эмиграции, совершенно пренебрегая большинством эмиграции, которое не разделяет социалистическую или даже марксистскую идеологию». В этом отношении Белосельский оказался не прав, однако, с его другим замечанием: «Внимательно прочитав вопросы этого документа, я должен обратить Ваше внимание, что они так составлены, что личность скринируемого лица может быть легко раскрыта, хотя официально скринер не спрашивает имени лица, им опрашиваемого»¹⁴. Если исключить наречие «легко», то с последним утверждением Белосельского трудно не согласиться.

В мою задачу не входит изложение истории и анализ Гарвардского проекта в целом. Методология исследования подробно изложена руководителями проекта в книге «Советский гражданин»¹⁵, главном «продукте» проекта. Отмечу лишь некоторые технические и социологические особенности. Во-первых, для сохранения анонимности интервью не записывались на диктофон; интервьюеры делали записи рассказов от руки и, время от времени прерываясь, диктовали их на аудиограф. Если записи могли быть на русском или украинском языках, то диктовки производились исключительно на английском. Исходные материалы не сохранились, так что все тексты интервью, проводившихся на русском или украинском языках, существуют только в переводе на английский. Во-вторых, следует иметь в виду, что интервьюируемая группа была довольно специфической: бывшие военнопленные и оstarбайтеры, решившие отказаться от репатриации в СССР (около 70% респондентов) или же перебежчики и

¹² Там же. С. 186.

¹³ Там же. С. 197–206.

¹⁴ Россия. 1951. 8 июня.

¹⁵ *Inkeles A., Bauer R.A. The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge (Mass.), 1959. P. 3–64.*

невозвращенцы. Около 80% из них или сами пережили арест, или же были арестованы их родственники¹⁶. Иными словами, градус их антисоветизма оказался существенно выше, чем в среднем по стране.

Наиболее интенсивно работа над собранными документами осуществлялась в 1950-х гг., в общей сложности сотрудники проекта опубликовали около 50 книг и статей¹⁷. Как ни удивительно, в последующие годы работа над этим уникальным собранием велась не слишком интенсивно: отчасти потому, что система указателей не позволяла быстро найти необходимые материалы, да и физическая сохранность машинописных текстов была весьма различной – некоторые страницы оказалось довольно трудно прочесть. Среди немногих исключений назову Ш. Фицпатрик, использовавшую источники Гарвардского проекта при подготовке своей известной монографии «Повседневный сталинизм»¹⁸.

Итак, исследователей более всего интересовала социальная структура советского общества, и что характерно, именно так был озаглавлен путеводитель по материалам проекта, подготовленный в 1980 г. М. Балзер¹⁹. Из 9 книг и 34 статей, написанных по документам проекта и учтённых в указателе Балзер, ни одна не была посвящена периоду Второй мировой войны²⁰. Среди неопубликованных материалов этому периоду посвящён обзор, подготовленный А. Даллиным и С. Гиллиам «Аспекты германской оккупации Советского Союза»; первая часть (Даллин) – об уязвимых сторонах советского общества, которые проявились в период немецкой оккупации²¹, вторая (Гиллиам) – о конкретном опыте жизни в оккупации и настроениях людей в эти годы²². Кроме того, сохранились промежуточные отчёты (interim reports) Даллина «Реакции на германскую оккупацию в Советской России»²³ и «Бригада Каминского, 1941–1944»²⁴. В последнем исследовалось использование оккупантами в военных целях недовольства населения советской властью. Речь шла о вооружённых формированиях «Локотской республики», коллаборационистского анклага, созданного при поддержке оккупантов.

Жизни в оккупации посвящены 65 интервью в серии «В», партизанскому движению – шесть; однако, сведения, относящиеся к периоду Второй мировой войны, в том числе жизни в оккупации и коллаборационизму, можно найти и в других интервью, как серии «А» (некоторые из интервьюируемых были в прошлом офицерами Красной армии), так и серии «В». В чём уникальность

¹⁶ *Brandenberger D.* Op. cit.

¹⁷ См. обзор этих публикаций: *Inkeles A., Bauer R.A.* Op. cit. P. 464–467.

¹⁸ *Fitzpatrick Sh.* *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s.* Oxford, 1999.

¹⁹ *Balzer M.M.* *Materials for the Project on the Soviet Social System* (unpublished manuscript guide. August 1980) (Harvard College Library).

²⁰ *Ibid.* P. 6–7.

²¹ *Some Implications of Vulnerabilities of Soviet Society as Revealed under German Occupation in World War II*, 35 с. (Harvard College Library).

²² *Experiences and Attitudes under the German Occupation of the USSR*, 235 с. с приложением (Harvard College Library).

²³ *Reactions to the German Occupation of Soviet Russia*, 47 с. (Harvard College Library).

²⁴ *The Kaminsky Brigade: 1941–1944 – A case study of German military exploitation of Soviet disaffection*, 96 с. Этот доклад лёг в основу статьи Даллина «*The Kaminsky Brigade: A Case-Study of Soviet Disaffection*» // *Revolution and Politics in Russia. Essays in Memory of B.I. Nicolaevsky* / Ed. by A. and J. Rabinowitch. Bloomington, 1972 (Russian and East European Series. Vol. 41. P. 243–280).

этого источника и отличие материалов Гарвардского проекта от многочисленных проектов конца XX – начала XXI в., в ходе которых были записаны тысячи интервью ветеранов Второй мировой и Великой Отечественной войн? Во-первых, интервью брались всего спустя пять-шесть лет после окончания войны; безусловно, они качественно отличаются от текстов, записанных через 50 лет после окончания Второй мировой войны. Во-вторых, интервьюирование проводилось на профессиональном уровне (к сожалению, большинство современных проектов интервьюирования ветеранов – речь идёт о российских проектах – осуществляется историками-любителями; они делают благородное дело, однако, методика проведения интервью, далёкая от научных стандартов, и в особенности литературная редакция текстов, существенно снижают их качество). В-третьих, это уникальный случай массового интервьюирования людей, представлявших специфический сегмент советского общества. Точнее, общества, значительная часть которого не принимала советскую власть в целом или какие-то стороны советской действительности. Не принимала настолько, что была готова покинуть свою страну или даже пойти на сотрудничество с внешним врагом в надежде на изменение государственного строя. Собственно, сотрудничество с врагом и получило в ходе Второй мировой войны название «коллорабационизм». Интервью позволяют получить сведения о мотивах коллаборационистов из первоисточника. Разумеется, принимать их собственные версии на веру не приходится. Как и любые другие источники личного происхождения, они требуют тщательного анализа.

Уникальность материалов Гарвардского проекта заключается ещё в одном обстоятельстве: они доступны в большей степени, чем любые другие источники по интересующей нас теме, хранящиеся в американских архивах. Учитывая ветхость материалов и их слабую доступность для заинтересованных исследователей, Гарвардский университет, точнее, его библиотека, под наблюдением профессоров Т. Мартина и Д. Бранденбергера предприняла сканирование машинописных распечаток интервью. Теперь они доступны на сайте библиотеки Гарварда (Harvard College Library) и, более того, снабжены указателями и системой поиска²⁵. Следует, однако, иметь в виду, во-первых, то, что любая система поиска не является исчерпывающей, и интервью надо, разумеется, смотреть «de visu»; во-вторых, машинопись содержит немало опечаток, поэтому некоторые фамилии или термины просто не могут быть обнаружены поиском; в-третьих, многие тексты находятся в плохом состоянии, и сканы почти не читаемы; в-четвёртых, некоторые тексты закрыты для внешних исследователей, так как там приведены подлинные имена респондентов. Так что желающим их посмотреть, так же как поработать с подготовительными материалами проекта, содержащими ценную информацию, придётся ехать в Гарвард. Однако в целом этот – ещё раз повторю – уникальный источник стал доступен для анализа, и его использование, по моему мнению, способно существенно углубить наше понимание процессов, происходивших на оккупированных территориях и в особенности причин, масштабов и характера коллаборационизма в период Великой Отечественной войны.

Практически одновременно с Гарвардским проектом реализовывалась Программа по изучению СССР в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Цель программы заключалась преимущественно в заказе бывшим советским

---

²⁵ The Harvard Project on Soviet Social System Online (URL: <http://hcl.harvard.edu/collections/hpsss/index.html>).

гражданам – эмигрантам «второй волны» и перебежчикам на Запад (а таковые насчитывались десятками, если не сотнями) – текстов в сфере их компетенции. Однако если сотрудники Гарвардского проекта ставили своей целью изучение советской социальной системы и отношения к ней населения, и уровень профессиональной компетентности респондентов не имел для них решающего значения, то сотрудники Программы по исследованию СССР хотели получить квалифицированную информацию о механизме функционирования советских институций, об экономике, о науке и культуре. Поэтому тексты заказывались специалистам в той или иной области, от металлургии до литературоведения.

Программа по изучению СССР спонсировалась Восточноевропейским фондом (подразделением Фонда Форда) и была рассчитана на пять лет (1950–1955). Руководителем программы являлся Ф. Мозли, профессор Колумбийского университета и директор созданного при университете в 1951 г. Архива русской и восточноевропейской истории и культуры (Бахметевский архив). Имя было присвоено архиву в 1975 г. в честь одного из его основателей Б.А. Бахметева, бывшего российского посла в США, видного деятеля эмиграции и профессора Колумбийского университета, завещавшего ему своё состояние²⁶. Заместителями Мозли были историки – Александр Даллин, участвовавший также в Гарвардском проекте, и Роберт Шлюссер.

Особо отмечу участие в этой программе А. Даллина, сына видного меньшевика и эмигрантского публициста Д.Ю. Далина (настоящая фамилия Левин, 1889–1962). Д.Ю. Далин – принципиальный противник большевиков – в 1921 г. был выслан из Советской России. Обосновался в Берлине, где стал членом Заграничной делегации ЦК РСДРП и редакции меньшевистского «Социалистического вестника». Здесь, в Берлине, у него родился сын Александр. В 1933 г., после прихода к власти нацистов, Далины переехали в Польшу, в 1939 г. – во Францию, в 1940 г. – в США, где обосновались в Нью-Йорке, новой «столице» русской эмиграции. По-английски Далин стал писать свой псевдоним, ставший фамилией, через два «л» – Dallin. Д. Далин стал первым, кому советский представитель В. Кравченко в январе 1944 г. сообщил о своём желании остаться в США. Кравченко через общих знакомых был приглашён в гости к Далину. Сам факт посещения эмигранта-меньшевика, да ещё и мужа троцкистки (вторым браком Далин женился на Л. Гинцберг-Эстрин, активной участнице троцкистской организации в Париже в 1930-х гг.) уже говорил о многом. Далин не только одобрил намерения Кравченко, но и предпринял практические шаги для того, чтобы эти планы реализовались. Он связался с хорошо ему знакомым бывшим американским послом в СССР У. Буллитом, который ранее содействовал другому перебежчику, советскому разведчику В. Кривицкому. Буллит, в свою очередь, позвонил генеральному прокурору США Ф. Биддлу, а тот подключил к делу ФБР. В марте Далин вновь встретился с Кравченко в Пенсильвании, где тот был по делам службы, и сообщил ему о контактах в ФБР. Уже в апреле 1944 г. в Нью-Йорке чета Далиных встречала Кравченко в качестве невозвращенца. Именно Далин побудил Кравченко написать книгу о причинах, заставивших его остаться на Западе, и о том, что представляет собой на самом деле Советский Союз. Он же свёл Кравченко с американскими публицистами Ю. Лайонсом, И. Левиным и М. Истменом, ставшими де-факто соавторами и редакторами сенсационной книги Кравчен-

---

²⁶ См.: Будницкий О.В. Б.А. Бахметев – посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. №1. С. 134–166.

ко «Я выбрал свободу»²⁷. В этой книге впервые столь подробно, «изнутри» советской системы, рассказывалось о коллективизации, лагерях и принудительном труде.

Далин стал признанным специалистом по Советскому Союзу, выпустил в США 10 книг на английском языке по различным аспектам внутренней и внешней политики СССР, некоторые из них выдержали два, а то и три издания. Ещё три его книги на русском языке были переведены на английский. Пожалуй, наиболее известной из книг Далина стала написанная совместно с Б.И. Николаевским монография «Принудительный труд в Советской России»²⁸. Интересно, что впоследствии, в 1960-х гг., американские историки-ревизионисты книгу Далина и Николаевского объявили недостоверной, поскольку она строилась в значительной степени на свидетельствах перебежчиков и невозвращенцев, а сами авторы были меньшевиками²⁹. Время показало, что русские меньшевики лучше разобрались в сталинской системе, чем некоторые американские историки.

Вернёмся, однако, к сыну Далина Александру. Как мы видим, приход к власти нацистов и Вторая мировая война во многом определили его судьбу. Вместе с родителями он проделал традиционный для русско-еврейских эмигрантов путь: Германия, Польша, Франция, США. Сама жизнь как будто специально готовила будущего историка, во всяком случае, в отношении языковой подготовки: русский был домашним языком его родителей, немецкий он усвоил с детства. В США псевдоним отца стал его фамилией. А Даллин (в обратном переводе с английского фамилию Далина-младшего принято писать через два «л») получил степень бакалавра в городском колледже Нью-Йорка в 1947 г., затем учился в Гарвардском и Колумбийском университетах. В 1953 г. ему была присуждена докторская степень; диссертацию он посвятил истории нацистского оккупационного режима в СССР. Впоследствии на основе своей диссертации он опубликовал фундаментальный труд «Германское владычество в России: исследования оккупационной политики» (без малого 700 страниц!)³⁰, не утративший своего научного значения до сих пор. В том же году Даллин выпустил ещё одну монографию – «Одесса 1941–1944: Советская территория под иностранной властью»³¹. Эта книга и сегодня остаётся единственной работой об удивительном эксперименте, поставленном историей: своеобразном

---

²⁷ Основным соавтором стал Лайонс; Кравченко, правда, не был склонен признавать заслуги тех, кто ему помогал, и утверждал, что Лайонс являлся всего лишь переводчиком. Об обстоятельствах дела Кравченко см. подробнее: *Kern G. The Kravchenko Case: One Man's War on Stalin*. N.Y., 2007.

²⁸ *Dallin D., Nicolaevsky B. Forced Labor in Soviet Russia*. New Haven, 1947.

²⁹ *Haynes J., Klehr H. The Historiography of Soviet Espionage and American Communism: from Separate to Converging Paths*. Paper delivered at the European Social Science History Conference March 2006, Amsterdam (URL: <http://www.johnearlhaynes.org/page101.html>).

³⁰ *Dallin A. German Rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Policies*. L.; N.Y., 1957. Книга переиздавалась дважды, в 1980 г. (N.Y.) и в 1981 г. (Boulder, Colorado), во втором случае – в несколько дополненном виде. Диссертация Даллина также была весьма внушительной по объёму – 1 328 машинописных страниц, 78 из которых занимал перечень использованных источников и литературы. Диссертация хранится в Библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета.

³¹ *Dallin A. Odessa, 1941–1944: A Case Study of Soviet Territory under Foreign Rule*. Santa Monica (Calif.), 1957. Первое издание было выпущено крайне ограниченным тиражом, практически «для служебного пользования», второе вышло в свет более 40 лет спустя (Iași, Portland: Center for Romanian Studies, 1998).

одесском «неонэпе» в период румынской оккупации города, сопровождавшейся, с одной стороны, террором и истреблением значительной части населения (преимущественно евреев), с другой – предоставившей сравнительную свободу частной инициативе. Это привело к экономическому подъёму города, ставшего оазисом процветания на оккупированных территориях и, по утверждениям некоторых современников, превосходившего в этом отношении практически все города Европы³².

В 1956–1969 гг. Даллин был профессором Колумбийского университета, преподавал историю международных отношений, с 1971 г. работал в Стэнфордском университете как профессор истории и политологии. Профессиональная карьера Даллина интересна в данном случае с «архивной» точки зрения: где и при каких обстоятельствах отложились материалы, которые связаны с его исследованиями, относящимися к истории Второй мировой войны. Начиная с 1960-х гг. Даллин занимался практически исключительно изучением современной политики Советского Союза, а затем постсоветских государств, выпустил множество книг, брошюр и статей по этим проблемам. Один из сборников статей об «эпохе Горбачёва» вышел в свет под редакцией Даллина и его младшей коллеги – будущего государственного секретаря США К. Райс. Скончался Даллин в 2000 г. Мне довелось лично встретиться с ним в Стэнфорде в 1994–1995 и 1999 гг. Это было в основном во время приёмов, устраивавшихся в доме Даллина и его жены, известного советолога Г. Лапидус, по случаю открытия очередного научного сезона Русским центром Стэнфордского университета. Увы, мои научные интересы были в то время далеки от истории Второй мировой войны, и короткие разговоры с Даллиным ограничивались общими темами. Сколько вопросов я бы ему сейчас задал...

Тексты, полученные в рамках программы Русского института Колумбийского университета по изучению СССР, сгруппированы по следующим темам: 1) преследование религии и антирелигиозная пропаганда; 2) история Коммунистической партии и комсомола; 3) промышленное развитие; 4) сельское хозяйство, лесоводство, естественные ресурсы; 5) наука и техника; 6) литература и история национальных меньшинств; 7) театр, музыка, кино; 8) русская литература; 9) геология, зоология, горное дело, биология, химия, генетика; 10) городское строительство, жилищный вопрос. Наиболее интересные тексты были размножены программой на мимеографе, некоторые переведены на английский язык и изданы в виде статей или книг. Однако львиная доля их осталась неопубликованной. По завершении работы программы материалы были переданы в Архив русской и восточноевропейской истории и культуры³³.

Среди текстов, написанных для программы, значительная часть посвящена военному времени и послевоенному периоду, а непосредственно Второй мировой войне – около 20 текстов. Почти все они на русском языке, но встречаются и те, что написаны по-английски и по-немецки. Следует иметь в виду, что как и в случае с Гарвардским проектом, авторы вовсе не стремились раскрывать свои имена, поэтому многие тексты анонимны или подписаны псевдонимами. В основном это воспоминания или нечто вроде трактатов, опять-таки перемежающиеся личными воспоминаниями и впечатлениями. Более трети всех текстов о войне (они довольно чётко ранжируются по территориальному принципу)

---

³² См.: Одесса: жизнь в оккупации. 1941–1944 / Сост., отв. ред., вступ. ст. О.В. Будницкий, примеч. Т.Л. Ворониной и К.Р. Галева. М., 2013.

³³ Research Program on the USSR. Материалы программы занимают 58 коробок.

посвящены тем или иным аспектам жизни в оккупации. Среди них – анонимные воспоминания «Харьков в период немецкой оккупации» (Kharkov Under the Germans, 16 с. – во всех случаях в скобках даётся английское название, под которым тот или иной текст значится в архиве; все упоминаемые здесь и далее тексты – машинопись, если не оговорено иное), «Германская оккупация Севера России в период Второй мировой войны: политические и административные аспекты» некоего Олега Анисимова (The German Occupation in Northern Russia During World War II. Political and Administrative Aspects, 37 с.; в архиве имеется только текст на английском языке). Последний материал был выпущен в мимеографической серии, издававшейся программой.

Серия текстов о партизанском движении, точнее, борьбе с ним, также как о деятельности русской полиции, была написана для программы Д.П. Кандауровым (1902–1961), подписывавшимся псевдонимом «Д. Каров». Случай Кандаурова если не уникален, то довольно редок: он являлся офицером абвера, германской военной разведки. Кандауров был эмигрантом, уехал из России в 1919 г., в 17-летнем возрасте. О его происхождении ничего не известно; учитывая возраст Кандаурова на момент эмиграции, можно предположить, что из страны он уехал, скорее всего, с родителями. С 1920 г. Кандауров жил в Париже, где окончил русскую гимназию, затем университет. Летом 1940 г., после оккупации Парижа нацистами, он уехал на работу в Германию, служил переводчиком на авиамоторном заводе в Ганновере. В конце 1940 г. Кандауров согласился работать на немецкую разведку, якобы оговорив условие, что служить Германии будет «до момента создания независимого Российского государства». После нападения Германии на СССР был отправлен на родину, где с декабря 1941 г. служил в одном из отделов (очевидно, ведавшим разведкой и контрразведкой) штаба 18-й армии группы армий «Север». Кандауров-Каров был дважды ранен, награждён Крестом за военные заслуги 2-й степени с мечами. В марте 1945 г. его прикомандировали к войскам Комитета освобождения народов России (КОНР), т.е. к армии генерала Власова. После окончания войны Кандауров оказался в плену у американцев, каким-то образом избежал выдачи советской стороне. После освобождения в 1946 г. он жил в Западной Германии, сотрудничал с Мюнхенским институтом по изучению истории и культуры СССР.

Тексты Кандаурова, хранящиеся среди материалов программы, – «Партизанская записная книжка» (Partisan Notebook, 71 с.), «Чёрный ворон» (The Black Raven, 38 с.), «Полиция в районах, оккупированных Германией» (The Police in German-Occupied Areas, 158 с.), «Немецкая контрразведка в оккупированных областях СССР» (два фрагмента, объемом 17 и 101 с., размножены на мимеографе, вдобавок в этой же папке находятся дополнительные материалы в объёме 21 машинописной страницы). В совокупности эти материалы представляют собой редкую возможность взглянуть на деятельность немецких спецслужб на оккупированной территории изнутри; они содержат также небольшую, но выразительную «портретную галерею» советских людей, сотрудничавших с оккупантами, а также невольный «автопортрет» автора, принадлежавшего к той части русской эмиграции, которая пошла на активное сотрудничество с нацистами.

Некоторые фрагменты текстов Кандаурова пересекаются с его записками, хранящимися в Гуверовском архиве в фонде Б.И. Николаевского³⁴. Однако

³⁴ Hoover Institution Archives. Boris Nicolaevsky Collection. Box 280. Folder 5.

комплекс текстов, имеющихся в Бахметевском архиве, по-видимому, является наиболее полным.

Среди других материалов, написанных по заказу программы, отмечу «Гражданскую жизнь под немецкой оккупацией, 1942–1944» (Civilian Life under German Occupation, 1942–1944, 90 страниц на mimeографе) В.Д. Самарина (настоящая фамилия Соколов), заместителя главного редактора коллаборационистской газеты «Речь», выходившей в Орле³⁵. Своеобразным дополнением к воспоминаниям Самарина служит очерк некоего Бориса Танина (очевидно, псевдоним) «Михаил Октан» (Mikhail Oktan, 13 с.). В очерке шла речь о главном редакторе «Речи» М. Октане (Ильиниче, Илиниче), чьё происхождение, так же как и конец, до сих пор остаются не вполне ясными.

Одним из наиболее информативных и объёмных текстов, написанных для Программы, является «Одесса в период Второй мировой войны, 1941–1944» (Odessa During the Second World War, 155 с.) М.Д. Мануйлова. По сути, это воспоминания, перемежающиеся попытками анализа румынской оккупационной политики или особенностей одесской, весьма своеобразной, экономики. Дабы подчеркнуть объективность своего текста, автор даже скромно указал на титульном листе: «Составил М.Д. Мануйлов». Похоже, что в данном случае имя автора подлинное. Михаил Дмитриевич Мануйлов (около 1892–1956) служил в Одессе при советской власти по планово-экономической части и власть эту люто ненавидел. В период оккупации он занимал скромную должность директора городского ломбарда. Эвакуировался вместе с немецкими войсками; жил в Австрии (в американской оккупационной зоне), в 1949 г. переехал в Канаду. Текст Мануйлова – попытка создать некую энциклопедию или путеводитель по одесской жизни в период оккупации, от организации городского самоуправления, инвентаризации заводов и фабрик и попыток их восстановления, до культурной и церковной жизни в городе. Оглавление трактата Мануйлова весьма подробно и позволяет исследователю быстро найти материал по интересующему сюжету, например, «Оживление торговли (базары, магазины, бодеги, чёрный рынок)», «Взяточничество», «Изменения в составе и структуре населения во время эвакуации и войны», «Русские женщины» и др.³⁶ Замечу, что наряду с материалами о жизни в оккупации, в фонде Программы по изучению СССР отложилось немало текстов о других аспектах Второй мировой, от эвакуации 1941–1942 гг. до положения немецких военнопленных в СССР.

Ещё один крупный комплекс документов (65 коробок), хранящийся в Бахметевском архиве и представляющий интерес в особенности для историков коллаборационизма, – фонд М.В. Шатова (П.В. Каштанов, 1920–1980). Шатов попал в плен в 1942 г. и уже весной вступил в одно из первых вооружённых коллаборационистских формирований – Русскую национальную народную армию. Он принимал участие в боях с партизанами, был несколько раз ранен, затем примкнул к власовскому движению, служил начальником охраны генерала Власова в Берлине, с января 1945 г. – начальником охраны штаба Вооружённых сил КОНР (в чине майора). После окончания Второй мировой войны жил в Германии, с 1950 г. – в США. Шатов занимался сбором материалов по исто-

³⁵ Научную публикацию этого текста см.: «Свершилось. Пришли немцы!». Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / Сост. и отв. ред. О.В. Будницкий, вступ. статьи и примеч. О.В. Будницкого и Г.С. Зелениной. М., 2012. С. 227–319.

³⁶ Научную публикацию этого текста см.: Одесса: жизнь в оккупации... С. 91–222.

рии власовского Освободительного движения народов России (ОДНР), подготовил библиографию изданий, к нему относившихся³⁷, работал в библиотеке Колумбийского университета; получил профессиональное библиотечно-библиографическое образование. Он создал архив Российской освободительной армии (РОА). Собственно, настоящий архив РОА был уничтожен в последние дни войны самими власовцами, какие-то документы попали в руки советских спецслужб, так что архив в данном случае создавали заново. Насколько можно понять, Шатов собирал издания РОА и ОДНР в целом, а также воспоминания и другие свидетельства. Здесь употребляется формула «насколько можно понять», поскольку фонд Шатова в Бахметевском архиве, в состав которого входит «архив РОА» и документы послевоенной власовской организации – Союза борьбы за освобождение народов России, закрыт для исследователей. Тем не менее, насколько мне известно, рассматривается вопрос о том, чтобы сделать его доступным (ведь главным мотивом его закрытости было обеспечение безопасности эмигрантов, а эта проблема давно снята).

В Бахметевском архиве находятся две коробки бумаг А. Даллина, содержащие в основном материалы, относящиеся к периоду германской оккупации СССР. Это явно подготовительные материалы к его монографии – в основном фотокопии, в том числе дневника О. Брайтигама, чиновника германского МИД, ответственного за связь с министерством по делам оккупированных территорий, и дневника Х. Линге, личного секретаря Гитлера, содержащего запись встреч фюрера за 1934–1943 гг., копии рапортов немецких чиновников и военных о положении на оккупированных территориях. В фонде Даллина хранятся также отдельные номера оккупационных газет, брошюр, выпущенных РОА, документы по истории движения украинских националистов, копии разного рода документов, листовок, карикатур, относящихся к истории партизанского движения.

Однако наиболее полное собрание бумаг Даллина хранится в архиве Гуверовского института (Гуверовский архив), который аффилирован с последним местом службы историка – Стэнфордским университетом. Фонд (коллекция) Даллина включает 361 коробку документов, две коробки нестандартного (большого по сравнению с обычными архивными коробками) размера, конверт и микроплёнку. К сожалению, только незначительная часть этого внушительного собрания – восемь коробок – систематизирована и описана. Документы (в основном на английском, немецком и русском языках) делятся на несколько групп: народы Прибалтики и их взаимоотношения с нацистами; казаки, включая сотрудничество с нацистами и казачьи организации за границей; германская оккупация СССР. Последняя группа подразделяется на несколько подгрупп, в том числе «Германские учреждения», «Сельское хозяйство и торговля», «Коллаборационизм» и др. В отдельную группу выделены источники по румынской оккупации, нацистской политике в отношении отдельных народов СССР – украинцев, белорусов, народов Кавказа. Ещё один блок – материалы по истории власовского движения. Список далеко не исчерпывающий. Всё, что собрано историком, чрезвычайно разнообразно по форме: интервью на русском и немецком языках, служебные записки, отчёты и другие документы различных германских организаций, листовки, плакаты, отдельные номера оккупационных газет; газеты, издававшиеся партизанами, воспоминания и др.

---

³⁷ Шатов М.В. Библиография Освободительного движения народов России в годы Второй мировой войны (1941–1945) / Труды Архива РОА, хранящегося в Колумбийском университете. Т. 1. Нью-Йорк, 1961.

Несомненно, эти материалы Даллин использовал при подготовке своих фундаментальных трудов по истории германской оккупации. Очевидно, однако, что огромный массив собранного он использовал лишь частично; некоторые материалы не были введены в научный оборот, ибо не вписывались в структуру его книг или же были получены после их выхода в свет. К тому же историкам, исследующим документы под другим углом зрения, свойственно задавать всё новые вопросы. Иными словами, коллекцию Даллина следует рассматривать, на мой взгляд, вовсе не как «отходы» работы историка, а в качестве ценнейшего собрания первоисточников, с которым только предстоит работать.

Ещё одно крупнейшее собрание Гуверовского архива, содержащее материалы по истории оккупации и коллаборационизма, – фонд знаменитого архивиста и историка Б.И. Николаевского (1887–1966), революционера с дореволюционным стажем, большевика, затем меньшевика, члена ЦК партии меньшевиков. В 1921 г. он был арестован, в 1922 г. выслан из Советской России. Жил в Берлине, с 1933 г. в Париже, в 1940 г. перебрался в Нью-Йорк. Всю жизнь Николаевский собирал документы, преимущественно по истории революционного движения. В начале 1960-х гг. он продал свою колоссальную коллекцию Стэнфордскому университету, получив вдобавок место её пожизненного хранителя. Со временем собрание Николаевского было систематизировано и описано³⁸. В итоге его коллекция в Гуверовском архиве заняла свыше 800 коробок! Собрание Николаевского ассоциируется обычно с историей революционного движения, однако, исследовательские и собирательские интересы архивиста были гораздо шире. Следует иметь в виду ещё одно обстоятельство: в послевоенный период Николаевский принимал активное участие в политической жизни эмиграции. Эта жизнь заметно оживилась, во-первых, благодаря «подпитке» свежим «человеческим материалом» – появлению тысяч новых эмигрантов, во-вторых, благодаря резко возросшему в условиях развернувшейся холодной войны интересу американских политиков (и американских спецслужб) к русским эмигрантам. Последнее привело, в числе прочего, к финансовой поддержке российских эмигрантских организаций.

Однако для многих эмигрантов «первой волны» сотрудничество с бывшими власовцами оказалось неприемлемо (во всяком случае, те должны были осудить своё прошлое и отмежеваться от бывшего кумира). Николаевский, напротив, считал власовское движение легитимной в сложившихся обстоятельствах формой борьбы против сталинского режима³⁹ и был склонен сотрудничать с новыми эмигрантами, невзирая на их недавнее прошлое. Не вдаваясь в детали эмигрантских споров (приводивших нередко к разрыву отношений бывших друзей и соратников⁴⁰), отмечу, что эта позиция Николаевского привела к тому,

---

³⁸ *Burgina A.M., Jakobson M.* Guide to the Boris I. Nicolaevsky Collection in the Hoover Institution Archives. Stanford (Calif.), 1989.

³⁹ См.: *Николаевский Б.И.* Пораженчество 1941–1945 годов и генерал А.А. Власов // Новый журнал. 1948. Кн. 18. С. 209–234; Кн. 19. С. 211–247.

⁴⁰ См., например: *Аронсон Г.Я.* По поводу статей Б.И. Николаевского; *Николаевский Б.И.* Ответ Г.Я. Аронсону // Новый журнал. 1949. Кн. 21. С. 272–291. Соратник Николаевского по партии Б.Л. Двинов, в частности, писал: «Возможно, что во «власовском движении» участвовали и люди, настроенные субъективно вполне демократически, но настолько ослеплённые ненавистью к Сталину и его режиму, что им и Гитлер мог показаться только врагом № 2. Людей, которые оправдывали своё участие в войне на стороне Гитлера, считая её освободительной, в то время как эта война «освободительной» была в том только смысле, что «освобождала» Россию от её населения и готовила «лебенсraum» для немцев», Двинов назвал «власовскими недоносками» (*Двинов Б.Л.* Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950. С. 7, 9–10).

что участники власовского движения испытывали к нему доверие и передавали ему те или иные написанные ими в эмиграции материалы или сохранившиеся у них исторические документы.

В итоге в фонде Николаевского материалы по истории оккупации и коллаборационизма занимают более десяти коробок. О тематике документов говорят заглавия серий (коллекция Николаевского подразделяется на серии, в каждую из которых входит различное количество коробок). Среди них «Перемещённые лица и военные перебежчики» (серии № 176–180, коробки 230–234), содержащие воспоминания, художественные произведения «ди-пи», переписку Николаевского с ними; «Власовское движение» (серия 201, коробки 258–260), «Коллаборационисты, пораженцы и партизаны, 1941–1945: собрание документов» (серия 221, коробка 280). В числе источников о власовском движении – печатные издания РОА, сведения об отдельных деятелях движения (В.Ф. Малышкине, М.А. Зыкове и др.), материалы одного из первых историков ОДНР Дж. Фишера⁴¹. Особый интерес представляют его записные книжки, содержащие собственноручные записи интервью с различными деятелями власовского движения и немецкими «кураторами» РОА. В фонде Николаевского имеются также документы, занимающие целые коробки, об отдельных коллаборационистах, например, о Б.А. Филиппове (Филистинском) (серия 175, коробка 229), известном эмигрантском литературоведе, в годы Второй мировой войны активно сотрудничавшем в оккупационной печати, историке К.Ф. Штеппе (серия 203, коробки 262–263). Впрочем, львиная доля документов о Филиппове и Штеппе относится уже к эмигрантскому периоду их деятельности. Некоторые сведения о власовском движении можно найти также в переписке Николаевского с участниками ОДНР – Б.А. Яковлевым (Н.А. Троицким), К.Г. Кромиади, М.В. Шатовым.

Среди бумаг коллекции Николаевского особый интерес представляют воспоминания Л.В. Дудина (1910–1984) «Великий Мираж. События 1941–1947 годов в понимании советского человека» (коробка 232, папки 10–11). Накануне войны кандидат филологических наук Дудин заведовал кафедрой иностранных языков Киевского университета. В период оккупации редактировал русскую коллаборационистскую газету «Последние новости» в Киеве, служил также заместителем главного редактора газеты «Новое украинское слово». В 1942 г. был переведён в Берлин, работал в немецкой пропагандистской организации «Винета», с ноября 1944 г. служил в пропагандистских структурах КОНР. После окончания войны Дудин находился в американской зоне оккупации, в том числе преподавал в американских военно-учебных заведениях. С 1951 г. работал на радиостанциях «Свобода» и «Свободная Европа» в США, много публиковался в эмигрантской печати под псевдонимами «Николай Градобоев» и «Иван Смирнов».

Работу над воспоминаниями, включавшими в себя и разного рода историко-философские и политические рассуждения, Дудин завершил в 1947 г. Приведу обширную выписку из предисловия к мемуарам, в котором автор сформулировал задачу своего сочинения и отразил своё понимание (во многом сходное с пониманием других идейных коллаборационистов) сути происходивших в период Второй мировой войны событий: «Русский народ сыграл в этой войне совершенно исключительную роль. В смертельной схватке Советской России с национал-социалистической Германией психологические и политические

---

⁴¹ См. *Fischer G. Soviet Opposition to Stalin: A Case Study in World War II. Cambridge (Mass.), 1952.*

факторы имели не меньшее, а даже значительно большее значение, чем чисто военные. Война Германии против Советского Союза никогда не могла быть выиграна только силой оружия, а все свои остальные возможности Германия, вольно или невольно, передала своему противнику и потому она проиграла войну на востоке. Советское правительство своей пропагандой военного времени создало у русского народа надежду на изменение традиционной советской политики и заставило миллионы людей поверить в то, что они действительно вели Великую Отечественную войну за счастье и свободу своей родины, за демократию, за справедливость. Только этим и можно объяснить необычайное превращение Красной армии из обречённой, как казалось, на поражение в 1941 году в непобедимую и могущественную в 1945 году.

На глазах всего народа совершалось непостижимое превращение, и вместо коммунистического Советского Союза из дыма войны, казалось, вставало и великолепное здание новой свободной и демократической России.

Но прошло всего два года после конца войны, и поражённый мир видит, что от новой национальной и демократической России не осталось и следа, и что советское правительство ни в чём не отступило от своих прежних коммунистических целей и установок. Великое здание новой России, мечты русского народа о демократии и свободе, надежды человечества на длительный, справедливый и устойчивый мир – все это был лишь только Великий Мираж, созданный кудесниками из Кремля. Как могло это случиться?

В этой книге я хочу показать, как понимали рядовые советские граждане события последних лет, а также провести, с их точки зрения, анализ немецкой и советской политики военного времени. Они видели то, что часто проходило незамеченным для постороннего наблюдателя, и их выводы из этих колоссальных событий, выводы народа, оказываются справедливее, чем умозрительные заключения политических теоретиков»⁴².

Обширный текст Дудина насчитывает 400 машинописных страниц. Рукопись содержит следующие главы: 1. Перед войной; 2. Война назревает; 3. Начало войны; 4. Немцы в Киеве; 5. Бабий Яр; 6. Эрих Кох начинает действовать; 7. Гитлер и Петлюра; 8. За Москву и Ленинград; 9. «Негры и Осты»; 10. Берлин летом 1942; 11. Генералиссимус и Патриарх всея Руси; 12. Большевизм и национал-социализм; 13. Третий выход; 14. От первых добровольцев до РОА; 15. Комитет освобождения народов России; 16. Конец иллюзий; 17. Эволюция или революция?

Материалы по истории коллаборационизма имеются и в других коллекциях Гуверовского архива. Так, в фонде генерала А.П. Архангельского, начальника Русского общевойска союз, находится его переписка с генералом А.А. фон Лампе, руководителем Объединения русских воинских союзов в Германии, за 1939–1943 гг. Архангельский жил в Брюсселе, фон Лампе – в Берлине. В переписке содержится первоклассная информация о позиции значительной части русской военной эмиграции в период Второй мировой войны. Эти люди были настроены явно пронацистски; главной проблемой стало то, что нацисты не слишком нуждались поначалу в услугах бывших русских офицеров. В письмах фон Лампе рассказывается о формировании Управления казачьих войск, о политике, проводившейся генералом П.Н. Красновым. В одном из писем фон Лампе делится впечатлениями о встрече с генералом Власовым в Берлине.

---

⁴² Hoover Institution Archives. Boris Nicolaevsky Collection. Box 232. Folder 10.

В фонде В.А. Маклакова также содержатся материалы об отношении различных групп русской эмиграции во Франции к германской агрессии против СССР. Среди прочего с одним из корреспондентов Маклаков делился впечатлениями о выступлении перед русскими эмигрантами в Париже в 1943 г. эмиссара генерала Власова, генерала В.Ф. Малышкина. Это выступление произвело сильное впечатление на эмигрантов, многие из которых расценили его как заявку на независимость власовцев от нацистов. В этом же фонде находится запись выступления Малышкина в Париже⁴³.

Упомянутые в настоящем обзоре материалы являются лишь «верхушкой айсберга». Приведённый перечень не исчерпывает все материалы, относящиеся к интересующим нас проблемам и хранящиеся в архивах и библиотеках Гарвардского и Колумбийского университетов и Гуверовского института при Стэнфордском университете, так же как перечисленные архивы не являются единственными американскими архивами, в которых отложились материалы по истории Второй мировой войны на территории СССР. Назову вдобавок Национальный архив США в Колледж-парке (Мэриленд), архив при Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне, рукописные отделы Нью-Йоркской публичной библиотеки, библиотек Йельского и Иллинойского (Урбана-Шампейн) университетов. Этот список можно продолжить.

Надеюсь, что данная статья привлечёт внимание исследователей к документам, хранящимся в американских архивах, и послужит если не путеводителем, то введением к путеводителю по находящимся за океаном материалам по истории Второй мировой войны. Полагаю, что без их учёта трудно написать полноценную историю таких сложных и болезненных проблем, как нацистская оккупация советских территорий и коллаборационизм. С практической точки зрения представляется, что назрела необходимость создания аннотированного указателя материалов по истории Второй мировой войны на территории СССР, находящихся в архивах США (в перспективе – и в других странах). С учётом всё большей открытости архивов, перевода описей в цифровой формат, доступности некоторых документов online предварительная работа такого рода может быть произведена и в Москве, хотя просмотр некоторых коллекций «de visu» всё равно остаётся необходимым. Как бы то ни было, полагаю, что «архивное открытие Америки», начатое в постсоветскую эпоху, необходимо не только продолжать, но и переводить на новый уровень.

---

⁴³ Hoover Institution Archives, Vasily Maklakov Collection, Boxes 11, 22.